
ФОЛЬКЛОРНО-ДЕМОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБРАЗА ПЕТЛЮРЫ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Божанова Юлия Александровна,

студент, «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», РФ, г. Москва
yuliyabozhanova@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу образа Симона Петлюры в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» в фольклорно-демонологическом, а не историко-политическом ключе. Устоявшаяся традиция булгаковедения рассматривает данного персонажа преимущественно как отражение реального деятеля эпохи Гражданской войны на Украине; в статье, напротив, обосновывается тезис о том, что Петлюра как художественный образ строится по законам народной демонологии и христианской эсхатологии и функционирует в тексте не как историческое лицо, а как собирательный символ хаоса и возмездия. Рассматриваются основные приёмы демонизации персонажа: конструирование его образа исключительно через слух и молву, символика номера камеры № 666 в апокалиптическом контексте романа, зооморфный и фольклорный мотивный комплекс (крик петуха, Лысая Гора). Делается вывод о том, что данный приём мифологизации врага получит дальнейшее развитие в позднем творчестве писателя, в частности в романе «Мастер и Маргарита».

Ключевые слова: Булгаков, Белая гвардия, Петлюра, фольклор, образ, мотив, петух, демонизация.

THE FOLK-DEMONOLOGICAL NATURE OF PETLIURA'S IMAGE IN M.A. BULGAKOV'S «THE WHITE GUARD»

Bozhanova Yulia Alexandrovna,

student, The Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow
yuliyabozhanova@gmail.com

ABSTRACT

This article examines the image of Symon Petliura in Mikhail Bulgakov's novel *The White Guard* from a folklore-demonological rather than a historico-political perspective. Whereas the established tradition in Bulgakov studies treats this character primarily as a reflection of a real political figure of the Russian Civil War period, the article argues that Petliura, as a literary construct, is shaped according to the laws of popular demonology and Christian eschatology, and functions in the text not as a historical figure but as a collective symbol of chaos and retribution. The article examines the principal devices of the character's demonization: the construction of his image exclusively through rumor and hearsay, the symbolism of prison cell No. 666 within the novel's apocalyptic framework, and a complex of zoomorphic and folkloric motifs (the crowing of

the rooster, Lysa Hora). It is concluded that this technique of mythologizing the enemy is further developed in the writer's later work, most notably in *The Master and Margarita*.

Keywords: Bulgakov, The White Guard, Petlyura, folklore, image, motif, rooster, demonization.

Введение

Пожалуй, ни один из персонажей «Белой гвардии» не занимает столь странного положения в системе образов романа, как Симон Петлюра. Он ни разу не выходит на сцену, у него нет ни единой реплики, ни единого физического появления, но, тем не менее, его имя не сходит со страниц как обозначение надвигающейся беды. О Петлюре в романе, строго говоря, не рассказывается, зато о нём говорят: гадают, боятся, спорят, домысливают. Узнать о нём как о человеке читателю почти нечего, зато многое можно сказать о том, каким способом Булгаков этого «человека» выстраивает.

В булгаковедении Петлюра прочитывается прежде всего исторически, как персонаж, за которым угадывается реальный политический деятель эпохи Гражданской войны на Украине, и такое прочтение вполне оправданно: биографическая основа образа очевидна. Однако при этом остаётся в стороне сам способ превращения этого материала в художественный образ посредством слухов и фольклорных мотивов, то есть тем, что роднит Петлюру скорее с персонажами народной демонологии, чем с другими историческими лицами романа, вроде гетмана Скоропадского. Именно эта сторона образа, которую можно условно назвать его демонологическим кодом, изучена не так подробно, как историко-политическое направление.

Гипотеза статьи состоит в следующем: Булгаков намеренно наделяет Петлюру чертами нечистой силы из народных поверий и апокалиптического зла из христианской традиции, превращая исторического противника в символическое воплощение хаоса, обрушившегося на Город. Задача статьи, соответственно, не в том, чтобы пересказать уже известное об историческом фоне романа, а в том, чтобы показать, из каких конкретных приёмов складывается эта демонизация: из решающих неопределённостей облика и местонахождения персонажа, из символики номера камеры № 666 в связи с апокалиптическим контекстом романа и из фольклорных мотивов, прежде всего связанных с криком петуха.

Основная часть

Принципиальная особенность Петлюры как персонажа состоит в том, что читатель не получает о нём никакой достоверной информации: сведения о его происхождении, роде занятий и даже внешности в романе последовательно противоречивы и заведомо недостоверны. Именно эта неопределимость становится ключевым приёмом демонизации персонажа. Не случайно один из героев прямо формулирует эту мысль, называя Петлюру «мифом», сопоставимым по своей природе с мифом о никогда не существовавшем в подобном виде Наполеоне [1, с. 24]. Это не человек, а сгусток народного гнева, персонификация ненависти, принявшая наиболее удобную в данный момент форму.

Показательна в этом отношении и работа Булгакова с именем персонажа. Исторический прототип носил имя Симон Васильевич Петлюра, и то же самое, «представительское» имя – Симон Петлюра – фигурирует в романе под газетным снимком католического прелата: снимок каждый раз разный, но подпись под ним неизменна, и именно эта случайная чужая фотография выдаётся читающей публике за портрет Петлюры [1, с. 25]. Когда же узника наконец выпускают из камеры № 666, у него обнаруживается другое, куда более простое и будничное имя – Семён Васильевич Петлюра [1, с. 21]. Расхождение между «парадным» именем из газетной подписи и снижающим, почти

случайным именем из тюремного протокола едва ли можно счесть небрежностью: оно работает на общую стратегию ostranenia персонажа от исторического прототипа и превращения его в фигуру, которую в любой момент можно подменить. Недаром в тексте подчёркивается, что на месте Петлюры мог оказаться «другой» или «третий» [1, с. 22], поскольку важна не личность, а сама функция возмутителя стихийного, «мужицкого» гнева.

Такая неопределимость облика и местонахождения сближает Петлюру с традиционным обликом Сатаны в народных представлениях. Как отмечается в «Булгаковской энциклопедии», персонаж «наделён сходством с дьяволом, у которого по традиции неопределимая внешность и способность одновременно находиться в разных удалённых друг от друга местах» [3]. Петлюра оказывается «езде и нигде» одновременно – в этом отношении он перестаёт быть отдельной личностью и становится символом народного гнева и хаоса, наступающего на дом и Город как на последний островок порядка в разрушающемся мире.

Одним из самых очевидных, но важных демонологических знаков, сопровождающих Петлюру, становится номер тюремной камеры (№666), из которой он освобождается по распоряжению гетманских властей. В христианской традиции число 666 упоминается как «число зверя», то есть Антихриста (Откр. 13:18), и появление такого числа применительно к Петлюре напрямую соотносит его фигуру с апокалиптическим злом. Эта связь поддерживается общей эсхатологической композицией романа. Вторым эпиграфом к «Белой гвардии» служит цитата из Откровения Иоанна Богослова о Страшном Суде, на котором «судимы были мёртвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Откр. 20:12), – так тема Страшного Суда и апокалипсиса появляется уже в начале текста.

Мотив числа зверя вписывает Петлюру в интертекстуальный диалог Булгакова с русской классической традицией: применительно к структуре образа можно указать на переключку с «Войной и миром» Л. Н. Толстого, где Пьер Безухов с помощью числовых вычислений подгоняет буквенные значения слов «император Наполеон» под число 666 [4, с. 77]. Подобное сходство (уже второе, если вспомнить про сравнение Петлюры как мифа с мифическим Наполеоном) показывает, что этот приём демонизации противника через числовую символику переосмысливается Булгаковым применительно к новой исторической катастрофе.

Фольклорно-демонологическая природа образа Петлюры также проявляется в мотивном комплексе, связанном с петухом. В одиннадцатой главе романа Николка Турбин становится свидетелем сцены, в которой вырвавшийся из кошёлки петух отчаянно кричит на всю улицу «петурра, петурра» – фонетическое созвучие с фамилией Петлюры, звукоподражательный каламбур, придающий имени персонажа зловещий и одновременно фарсовый оттенок. Ещё более прямо связь Петлюры с нечистой силой из народных поверий заявлена в финале романа, не опубликованном при жизни писателя в связи с закрытием журнала «Россия» и известным по позднейшим публикациям и комментариям: в предутреннем сне Алексея Турбина слышится то же «Петурра!..», однако с наступлением рассвета, когда «где-то в небе петухи уже поют», вся нечистая сила, ассоциируемая с этим именем, «растаяла, унеслась, свилась в клубок в даях за Лысой Горой... и более не вернётся» [3]. Народное поверье об исчезновении бесовской силы с первым криком петуха здесь буквально организует структуру эпизода, а упоминание Лысой Горы, традиционного в славянской мифологии места шабаша нечистой силы [5], довершает демонологическую составляющую образа. Показательно, что тот же мотив исчезновения нечисти с криком петуха Булгаков впоследствии использует в сцене с Варенухой в романе «Мастер и Маргарита», что позволяет говорить об устойчивости данного приёма в поэтике писателя на протяжении творческого пути.

Демонизация Петлюры в «Белой гвардии» подкрепляется и реакцией на его освобождение других персонажей романа: узнав о том, что гетман выпустил Петлюру из «загаженной городской тюрьмы», мудрый Василиса в отчаянии восклицает по-латыни: «Quos vult perdere, dementat!» («Кого хочет погубить, лишает разума») [1, с. 22]. Эта фраза придаёт происходящему оттенок рокового, предопределённого свыше безумия: освобождение Петлюры интерпретируется как знак вмешательства высших сил.

Посредством литературных параллелей с нашествием Наполеона, с падением Рима под натиском варваров, петлюровское воинство осмысливается в романе как новые варвары, то есть как воплощение чуждой, разрушительной и по существу внеисторической стихии, обрушившейся на упорядоченный мир идеального Города. Это соответствует фольклорной оппозиции «свой/ чужой», где враг архетипически принадлежит иному, враждебному миру [2, с. 52]. В народных исторических песнях и преданиях враг приходит как природная катастрофа, лишённая лиц и индивидуальных черт. Петлюровцы воспринимаются, прежде всего, через звук (гайдамацкий марш, топот лошадей) и постоянное движение, а не через лица и имена.

Заключение

Итак, образ Петлюры в «Белой гвардии» строится Булгаковым не столько как конкретного исторического деятеля, сколько как сложное фольклорно-мифологическое сочетание мотивов. Отсутствие персонажа на страницах романа в качестве действующего лица, образование его облика исключительно через слух и молву, апокалиптическая символика номера камеры, соотнесённая со вторым эпиграфом романа, наконец, прямые отсылки к народной демонологии – крик петуха, Лысая Гора – последовательно лишают Петлюру человеческих черт и превращают его в символическое воплощение хаоса и неизбежного зла, обрушившегося на Город.

При этом мифологизация врага посредством демонических и фольклорных элементов не остаётся частью только одного романа, но становится устойчивой чертой поэтики Булгакова, получающей развитие в его позднем творчестве, прежде всего в романе «Мастер и Маргарита», где мотив исчезающей с криком петуха нечисти воспроизводится применительно уже к иному кругу персонажей. В этом исследовании образ Петлюры анализируется не в традиционном для булгаковедения историко-политическом, а в фольклорно-мифологическом ключе, что позволяет уточнить представление о способах создания «врага» в художественном мире Булгакова и предположить перспективу дальнейшего сопоставления «Белой гвардии» с более поздними текстами писателя.

Список литературы:

1. Булгаков М.А. Белая гвардия : роман // Роман-газета. – 2018. – № 1. – С. 1–112.
2. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. – 296 с.
3. Вишневская Ю. Петлюра // Булгаковская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bulgakov.ru/p/petlura/> (дата обращения: 18.07.2026).
4. Толстой Л.Н. Война и мир : роман. Т. 3-4 / Лев Толстой. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – 704 с.
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.

References:

1. Bulgakov, M.A. The White Guard: A Novel // Roman-Gazeta. 2018, no. 1, pp. 1–112.
2. Medrish, D.N. Literature and Folklore Tradition. Questions of Poetics. Saratov: Saratov University Press, 1980, 296 p.

3. Vishnevskaya, Yu. Petliura // The Bulgakov Encyclopedia [Electronic resource]. Available at: <https://www.bulgakov.ru/p/petlura/> (accessed: July 18, 2026).
4. Tolstoy, L.N. War and Peace: A Novel. Vol. 3-4 / Leo Tolstoy. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2020, 704 p.
5. Propp V. Ya. Historical roots of the fairy tale. - L.: Publishing house of Leningrad State University, 1986.